

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА

Тютчев
и Некрасов

Москва, 2018

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Тютчев и Некрасов / Д. Мережковский. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 116 с.

ISBN 978-5-521-06924-8

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. Тютчев и Некрасов» – уникальный сборник статей Мережковского, посвящённых исследованию судьбы и творчества Николая Некрасова и Федора Тютчева. Блестяще написанная книга, насыщенная образами и яркими цитатами, позволит читателю по-новому взглянуть на двух великих русских поэтов.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-06924-8

© Т8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКРАСОВ И ТЮТЧЕВ.....	5
ТАЙНА НЕКРАСОВА.....	15
ТАЙНА ТЮТЧЕВА.....	57

НЕКРАСОВ И ТЮТЧЕВ

О Тютчеве как о великом поэте заговорил первый Некрасов.

В 1850 г. в январской книжке «Современника» напечатана статья «Русские второстепенные поэты». «Второстепенные, — объясняет Некрасов, — не по степени достоинства, а по степени известности». Тогда еще самое имя Тютчева не было известно: в пушкинском «Современнике» 30-х годов он подписывал «Ф. Т.».

По поводу «Осеннего вечера»:

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть...*

«...каждый стих хватается за сердце, — говорит Некрасов, — как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы ветра; их и слушать больно, и перестать слушать жаль».

Недаром услышал Некрасов у Тютчева эти звуки ветра осеннего: ведь его же собственная песнь родилась из той же музыки:

*Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует...*

Из той же музыки ветра ночного:

*О чем ты воешь, ветер ночной,
О чем так сетуешь безумно?*

Для Некрасова — о муке рабства, о воле человеческой; для Тютчева — тоже о воле, но иной, нечеловеческой — о «древнем хаосе».

«Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, — продолжает Некрасов, — можно сравнить с чувством, какое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен».

Смерть и влюбленность. Вся природа — сквозь смерть и влюбленность.

*О ты, последняя любовь,
Ты и блаженство, и безнадежность!*

Этими двумя намеками — на бурю смерти, бурю хаоса, и на влюбленность, начало космоса, — проникает Некрасов в тайну Тютчева, как никто из критиков.

«Вот почему мы нисколько не задумались поставить Ф. Т. рядом с Лермонтовым», — заключает Некрасов. Пушкин, Лермонтов, Тютчев — три вершины, три источника русской поэзии, — это он первый увидел.

Достоевский в надгробной статье о Некрасове поставил не Тютчева, а самого Некрасова «прямо вслед за Пушкиным и Лермонтовым, в ряду поэтов, приходивших с новым словом». И уж, конечно, недаром вспомнил Достоевский Тютчева по поводу Некрасова: понимал или предчувствовал, что эти две крайности, две тайны русской поэзии сходятся.

Тютчев и Некрасов — воплощенное отрицание и утверждение русской революционной общественно-

ТЮТЧЕВ И НЕКРАСОВ

сти — это в самом деле два полюса, которыми определяется вся грозная сила, все магнитные токи русской поэзии, а может быть, и русской действительности. Ведь именно Тютчев для нас, «детей», — то же, чем был Некрасов для наших «отцов»: не только поэт, но и пророк, учитель жизни.

Жить по Тютчеву значит умереть для Некрасова; жить по Некрасову значит не родиться для Тютчева. Некрасов и Тютчев встречаются в наших сердцах, как враги на поле битвы; как солнце и месяц:

*Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный;
Наступит ночь, и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный...*

Во дни Некрасова, в морозно-солнечные дни русской общности, в рабочие будни 60-х годов, не видно было Тютчева, как дневного месяца:

*Весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог;
Настала ночь — и светозарный бог
Сияет...*

Настала ночь Некрасова — и засиял Тютчев.

Ночью люди спят; бодрствуют и видят немногие. Эти немногие, увидевшие Тютчева, — Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Некрасов и, наконец, мы, «декаденты», «дети ночи» по преимуществу. Хорэг, за-

певало всей новейшей русской поэзии, певец певцов — Тютчев.

Он — сверстник и почти ровесник Пушкина. Что *Silentium* написано в 30-х годах (напечатано в «Молве», в 1835 г.) и, следовательно, почти современно «Евгению Онегину», этому трудно поверить — до такой степени оно сегодняшнее, завтрашнее.

Для чувства и воли нет времени: они движутся в вечности; только мысль, сознание — во времени. Чем сознательнее, тем современнее. Тютчев поэт сознания — вот почему он «современнейший из современников».

«Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата», — говаривал Пушкин. «Глуповата» — непосредственна, нечаянна, бессознательна. Тютчев доказал, что поэзия может и не быть «глуповатою», что ей ума бояться нечего. Пушкин умен, но его поэзия не столько умная, сколько мудрая, вещая. Его сознание уже не наше. Вот почему он вечен, но не современен. Именно здесь, в сознании нашем, Тютчев современнее Пушкина.

Современнейшая из всех наук, можно сказать, источник всей нашей современности, — гносеология, ставящая вопрос о возможности религиозного опыта, религиозного ведения, гнозиса. Это «Сезам отворись» всех дверей к будущему. Знать или не знать — быть или не быть современного человечества.

Тютчев не гносеолог в отвлеченном смысле. Как все поэты, он существо крылатое: не лазает по диалектическим лестницам, а летает и видит под собою' уступы их в бездонных пропастях сознания.

ТЮТЧЕВ И НЕКРАСОВ

Некогда чувство разлагалось мыслью, вера — знанием. Теперь не так: мы поняли, что есть глубина чувства, глубина веры — именно там, где вера и чувство соприкасаются с волею, — ни для какой мысли не разложимая. Свет сознания, как свет исполинского прожектора, только углубляет мрак бессознательного, мрак чувства и воли.

*Die Nacht ist tief,
Und tiefer, als der Tag gedacht.
Ночь глубока,
И глубже, чем думал день.*

(Ницше)

Чем ярче свет, тем мрак бездоннее.

Потому-то и близок нам, современен Тютчев, что он соединяет, как никто, высшую сознательность с глубочайшей стихийностью. «Мысль его, — говорит Тургенев, — как огненная точка, вспыхивает под влиянием глубокого чувства». Глубина чувства — глубина мысли; огненность чувства — огненность мысли.

Ich singe wie der Vogel singt¹, —

это самое неверное, что можно сказать о Тютчеве. Он менее всего невинен птичьей невинностью. Птица не знает, о чем поет; он знает или, по крайней мере, хочет знать (потому что иногда знать нельзя). Сквозь

¹ Я пою, как поет птица (нем.).

него, человека, как сквозь рупор, говорят стихии нечеловеческие:

*Понятным сердцу языком
Твердят о непонятной муке,
И ноют, и взрывают в нем
Порой неистовые звуки.*

Понятное о непонятном, сознательное о бессознательном — в этом вся поэзия Тютчева, вся поэзия нашей современности: красота Ведения, Гнозиса.

Там, где Л. Толстому и Достоевскому нужны целые эпосы, Тютчеву достаточно несколько строк; солнечные системы, туманные пятна “Войны и мира”, “Братьев Карамазовых” сжимает он в один кристалл, в один алмаз. Вот почему критика так беспомощно бьется над ним. Его совершенство для нее почти непроницаемо. Этот орешек не так-то легко раскусить: глаз видит, а зуб неймет. Толковать Тютчева — превращать алмаз в уголь.

Мысль делает его всемирным, ибо существо мысли всемирно. Пушкин, даже в лучших переводах, непонятен для нерусских; он только для нас, изнутри всемирен. Тютчев, если бы его перевести как следует, был бы так же понятен, как Л. Толстой и Достоевский: он и для мира, извне всемирен.

И вот современнейший, всемирнейший из русских поэтов остается в России неведомым. Если читатели знают имя его, то разве только по школьным хрестоматиям: «Люблю грозу в начале мая» да «Пошли, Го-